

Борисова Е. О. К семантико-мотивационной реконструкции рус. диал. *лутоня* / Е. О. Борисова // Научный диалог. — 2018. — № 12. — С. 37—46. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-37-46.

Borisova, E. A. (2018). On Semantic and Motivationsl Reconstruction of Russian Dialect Word *lutunya*. *Nauchnyy dialog*, 12: 37-46. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-37-46. (In Russ.).

УДК 811.161.1:373.612

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-37-46

К семантико-мотивационной реконструкции рус. диал. *лутоня*¹

© Борисова Елизавета Олеговна (2018), orcid.org/0000-0003-3749-3307, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), elciaborisowa@gmail.com

Рассматривается вопрос о происхождении рус. диал. *лутоня*, зафиксированного диалектными словарями в нескольких значениях, связанных с личностными характеристиками человека: 'нерасторопный человек', 'неряшливый человек', 'врун', 'высокий человек'. Обосновывается предположение о принадлежности данной лексемы к словообразовательному гнезду корня *лут-*, производные которого в прямом значении называют липу, липовое лыко и предметы из липы. Отмечается, что представленные в говорах значения *лутони* в целом соответствуют семантическим моделям, характерным для синонимичных *лутоне* лексем, а потому закономерны в мотивационном аспекте. Однако суффикс *-он-*, который может быть выделен при утверждении производности *лутони* от корня *лут-*, не встречается в «предметных» лексемах. Это наблюдение дает основания предположить влияние на форму слова народноэтимологического сближения с деминутивом имени *Лукийян* (вариант *Лутоня* приводится ономастами наравне с *Лутохой*, *Лутошей* и под.). Автор указывает на то, что имя *Лутоня* носит персонаж народных сказок, при этом ни в одном из вариантов сказки нет прямых соответствий между качествами характера персонажа и приведенными диалектными значениями лексемы *лутоня*. Высказывается предположение, что на формальном уровне известный фольклорный текст может поддерживать функционирование апеллятива *лутоня*.

Ключевые слова: этнолингвистика; русская диалектная лексика; семантическая деривация; метафора; деонимизация.

1 Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01351).

1. Фиксации лексемы *лутоня* в русских народных говорах

В говорах Свердловской области (Сухоложский район) фиксируется лексема *лутóня* ‘неумелый, нерасторопный человек’ [ЛК ТЭ] со следующими контекстами: *Ничего у тебя не получается, лутоня ты этакая; Да што ж я вам скажу, ведь я тихоня, лутоня; И лутоней его прозвали* [Там же]. На других территориях отмечается еще несколько значений этого слова, связанных с характеристиками личностных особенностей человека: костр. *лутóня* ‘неряшливый человек’, ‘врун’ (*Ну и лутоня! Врёт, правды не узнаешь; Ну ты и лутоня, ну и загибаешь*) [ЛК ТЭ], пенз. *лутóнюшка* ‘о длинном тощем парне, подростке’ [СРНГ, т. 17, с. 207].

2. Предметное значение корня *лут-*

Форма слова позволяет предположить, что в нем может быть выделен корень *лут-*. Словами с этим корнем обозначается липа, липовое лыко и предметы из липы, ср. яросл. *лута* ‘липа’, *лут* ряз., южн., смол. ‘лыко, кора липы’, ряз., смол. ‘ободранная липа, липовая палка без коры’, ряз. *лутó* ‘лыко, кора липы’ [СРНГ, т. 17, с. 206], орл. *луть* ‘ободранная липа’ [Там же, с. 208]; перм. *лутóха* ‘палка’ [Там же, с. 206], диал. *лутóшка* ‘липовая кора; лыко’, ‘молодая липка’, ‘корзина, сплетенная из липовой коры’ [Там же, с. 207] и мн. др. Особенно обратим внимание на дериваты *лутóшки* ‘ноги, лытки; тонкие ноги’, зафиксированное также в Свердловской области (а также в Новгородской и Казанской) [СРНГ, т. 17, с. 207; НОС, с. 528], и *лутóшка* ‘о сухощавом человеке’ (нижегор.) [СРНГ, т. 17, с. 207].

3. «Человеческие» значения в семантической парадигме корня *лут-*

В семантическую парадигму корня *лут-* в целом укладываются приведенные значения слова *лутоня* — ‘высокий худой парень’, ‘врун’ и ‘неумелый, нерасторопный человек’. Для объяснения первого случая могут быть приведены примеры использования образа тонких досок, палок для выражения близких идеограмм, ср. разг. *жердина, два метра сухой драмки* и им подобные. Значения «медлительности» и «лживости» требуют более подробной интерпретации. Так, в номинациях низкой скорости и неумелости нередко встречается мотивационный признак твердости, негибкости, выражающийся различными лексическими средствами: например, именно этим признаком, вероятнее всего, объясняется появление «медленных» значений у тул. *колéлый* ‘очень медлительный, нерасторопный’ [СРНГ, т. 14, с. 123], новг. *крепун* ‘человек медлительный и кро-

потливый в работе, много внимания уделяющий мелочам' [СРНГ, т. 15, с. 219], калуж., том., перм., нижегор. *ústуго* и *ústуга* 'туго, медленно, плохо' [СРНГ, т. 12, с. 266].

Кроме того, как мы отметили выше, *лутошкой* называется не только липа и липовая кора, но и изделия из нее, а медлительный человек может сравниваться с деревянными предметами (орл. *ходить как колода* 'о тяжело, медленно и грузно ходящем человеке' [БСРНС, с. 276], брян. *идти как чурбан* 'об очень медленно, едва передвигая ногами идущем человеке' [БСРНС, с. 751]), среди которых особое место занимают именно плетеные емкости: свердл., курган. *пестёрь* 'большая корзина, плетенная из лыка, бересты или дранки (реже из прутьев)' [СРГСУ, т. 4, с. 23] → *пестёрь* 'медлительный, небойкий, нерасторопный, тихий человек' [ДЭИС]. Ср. также диал. шир. распр. *пехтёрь* 'заплечный мешок, ранец, кузов, обычно из лыка или бересты', 'плетеная берестяная, из сосновых дранок, ивовых прутьев и т. д. корзина', 'мешок из веревок для сена' и пр. [СРНГ, т. 26, с. 341—342]. Способ изготовления емкостей привлекает внимание носителя языка, создающего именование для нерасторопного человека, вероятно, потому, что непосредственно глагол *плести(сь)*, а также слова, называющие полученные в результате плетения предметы, используются для выражения признака низкой скорости: карел. *сплестись* 'пойти, сходить медленно куда-н.' [СРГК, т. 6, с. 256], ворон., калуж., ряз., тул. *плетень* 'о неуклюжем, нерасторопном человеке' [СРНГ, т. 27, с. 125]. Дополнительным обоснованием такого переноса служит значение 'тонкие ноги' у слова *лутошки*. Негативные экспрессивные наименования частей тела — «инструментов» передвижения или работы, то есть, проще говоря, рук и ног, путем метонимического сдвига могут приобретать значения отрицательной характеристики человека в целом, ср. волог. *каньга́* 'о руке или ноге' и арх. *каньга́* 'о медленно бредущем человеке'. В данном же случае речь идет скорее не о производности, а о семантической поддержке значений.

О «липовой» метафоре обмана пишет В. С. Кучко: «Из дерева представляются сделанными глаза лгуна: костр. *лутбиные глаза* 'лживый, бессовестный человек' <...>. Поскольку глаза — главный индикатор побуждений человека, орган, по которому можно распознать лежца, то для противопоставления живым, "говорящим" глазам ничего не выдающих, как бы застывших глаз лгуна и — шире — бессовестного человека привлекается образ твердого, неживого материала (ср. литер. *деревянный* 'ничего не выражающий (о человеке, лице)', 'бесчувственный'). Любопытно, что в создании портрета обманщика — точнее, в описании его глаз — уча-

ствуют только луб и лутошка. Это может объясняться тем, что из липовой и березовой коры, а также из очищенной липы изготавливается большое количество небольших вещей, ежедневно необходимых в быту — корзины, корытца, предметы посуды — и названия этого материала представляются самыми подходящими для образной номинации мелких объектов — глаз» [Кучко, 2017, с. 172]. Многочисленные примеры, демонстрирующие использование образов бересты и близких ей луба и лутошки для выражения идеи ненадежности, обмана, приводит Е. Л. Березович [Березович, 2016]. Интересно, что для характеристики медлительных людей используются те же самые образы, ср. моск. *лубо́ня* ‘нерасторопный, неповоротливый человек; лентяй’ [СРНГ, т. 17, с. 173].

В мотивационном аспекте, таким образом, приведенные значения вполне закономерны. Однако ни одно слово с предметным значением не имеет того же суффикса *-он-*, который представлен в «человеческих» лексемах: все «материальные» производные корня *лут-* образуются либо с суффиксом *-к-*, либо *-ох-*, либо с двумя одновременно.

4. Влияние фольклорных текстов

Постараемся предположить источник формы *лутоня*. Отметим, во-первых, что суффикс *-он-*, который, по-видимому, может быть выделен в *лутоне*, представлен, как правило, в лексике, представляющей собой экспрессивные характеристики человека, ср. без указ. места *губо́ня* ‘сердитый, с надутыми губами человек’ [СРНГ, т. 7, с. 196], пск., твер. *наливо́ня* ‘пьяница’ [СРНГ, т. 20, с. 16], костром. *мырго́ня* ‘привередливый, разборчивый в пище человек’ [СРНГ, т. 19, с. 58], вят. *зеворо́ня* ‘разиня, ротозей’ [СРНГ, т. 11, с. 244]. Во-вторых, по звуковому облику вариант *лутоня* совпадает с одним из деминутивов имени Лукьян (*Лутоня* выступает в роли деминутива наряду с *Лутохой*, *Лутошей*), см.: [Петровский, 1966, с. 144; Суперанская, 2004, с. 178]. В говорах фиксируется несколько случаев деонимизации деминутивов этого имени и приобретения ими негативного значения, ср. костр. *лукáнька* ‘леший’ — *Луканька по лесу водит; забери тебя луканька* — *Забери тебя луканька* — *это так у нас ругнутся* [ЛК ТЭ] (в данном случае, вероятно, под влиянием народноэтимологического сближения с прилагательным *лукавый*).

Кроме того, это имя носит персонаж русских народных сказок (ср. смол. *лутóшка* ‘сказочный герой, счастливо избавившийся от бабы-яги’ [СРНГ, т. 17, с. 207]). В сказках о Лутоне отчетливо выделяются два типа сюжетов. В первом родители (или только мать) Лутони совершают действие, представляющееся ему нелогичным (например, оплакивают неслу-

чившееся несчастье). Он уходит из дома, обещает вернуться, если «найдет кого-то глупее», и поочередно встречает работников, занятых абсурдными в своей нерациональности делами (мужики тащат корову на избу, чтобы она съела траву с крыши; плотники привязали веревку к бревну и тянут в разные стороны, чтобы удлинить его; перекусывают зубами колосья при косье и пр.). Лутоня показывает им всем, как следует действовать, и возвращается домой, поскольку «никого умнее не нашел» [Афанасьев, т. 3, с. 131—133; № 405—406].

Во втором сюжете Лутоня — приемный ребенок старика и старухи, которого крадет Баба Яга, хочет поджарить в печи и съесть, но Лутоня обманывает ее и возвращается домой [СП].

Как мы видим, качеством медлительности ни один герой не обладает, но при этом можно предположить, что первый тип сказки допускает привлечение образа Лутони для характеристики интеллектуально неполноценного человека, человека «не от мира сего». В сознании носителя наивной картины мира интеллектуальная неполноценность может быть связана с медлительностью. Это проявляется как в производности одного значения от другого (модель «бестолковый → медлительный»), так и в сочетании данных значений в семантической парадигме одного слова / корня: прост. *обóлтус* ‘глупый, тупой человек; бездельник’ [ССРЛЯ, т. 8, с. 320], ворон. ‘неповоротливый, нерасторопный человек’ [СРНГ, т. 22, с. 169], свердл. *обáлтус* ‘медлительный, неповоротливый человек’ [ДЭИС]; влад., казан. *муслóм* ‘нерасторопный и глупый мужчина’ [СРНГ, т. 18, с. 365]; яросл. *непрóкий* ‘бестолковый, ни к какому делу не способный’ → ‘вялый, медлительный человек’ [ЯОС, т. 6, с. 138].

В случае же с Лутоней, однако, нам представляется более вероятным переосмысление непосредственно имени: народноэтимологическое сближение его с дериватами корня *лут-* и наделение семантикой с учетом коннотаций производных данного корня. И. В. Родионова отмечает, что медлительность относится к числу наиболее частотных объектов номинации в рамках антропонимической модели [Родионова, 2005]: свердл. *мíтя* ‘нерасторопный, медлительный, растяпа’ [СРГСУ, т. 2, с. 133]), башк. *акүлюшка* ‘о неловком, нерасторопном, неуклюжем, неумелом человеке’ [СРГБаш: акулюшка] (большое количество примеров такого рода мы приводим в [Борисова, 2016]).

И важным фактором наделения онимов значением становятся фонетические ассоциации: например, имя *Тихон*, греческое по происхождению (по имени бога случая, судьбы), ассоциируется с прилагательным *тихий*, и вследствие этого *тихоном* называют неторопливого человека (ленингр.

тихон ‘о тихом, вялом человеке’ [СРГК, т. 6, с. 465], ср. фонетически близкие имени *Тихон* обозначения медлительного человека: ленингр., волог. *тихий* и *тихой* ‘нерасторопный, медлительный’ [Там же, с. 464]) и т. д. Отметим также семантическую и формальную близость рассматриваемым словам общенар. *тихоня* ‘тихий, смиренный человек’ [ССРЛЯ, т. 15, с. 492].

Интересно, что фольклорный материал демонстрирует возможность фонетической аттракции подобного рода. Так, в сказках о Бабе-Яге Лутоней называют мальчика, в которого превращается веточка. Отметим, что мотив отождествления человека и дерева, превращения человека в дерево широко распространен в мифологии и фольклоре — в этиологических преданиях, сказках, былинах, балладах, песнях и пр. В числе последних работ, посвященных изоморфизму дерева и человека в традиционной народной культуре, — [Агапкина, 2013; Агапкина, 2017].). В нашем случае мотив поддерживается на лексическом уровне:

В одной деревне жил старик со старухой. Были они одиноки — детей у них не было. Как-то зимой старик поехал в лес за дровами. Нарубил он дров, сколько нужно было, да срубил еще лутошку. Приехал домой, дрова на дворе оставил, а лутошку в избу принес и положил в подпечек. На третий день что-то в подпечке зашумело, закричело. А потом как закричит:

— *Тятя! Мама! Выньте меня!*

Старик со старухой испугались. А из-под печи снова тот же голос:

— *Тятя! Мама! Выньте меня!*

Старик заглянул в подпечек и увидел там маленького мальчика. Вынул его оттуда, показал старухе. Подивились старики чуду такому, да и назвали его Лутонькою. Стали растить его как сыночка [СП].

5. Выводы

Итак, диалектными источниками фиксируется несколько значений слова *лутоня*, отсылающих к особенностям человеческой личности: ‘высокий худой парень’, ‘врун’ и ‘неумелый, нерасторопный человек’. Фонетическая форма слова позволяет предположить связь этой лексемы с именем персонажа народных сказок; в фольклорных источниках встречаются два разных сюжета о Лутоне и, соответственно, два персонажа с таким именем (которые, возможно, появились независимо друг от друга). Ни один из них не обладает качествами характера, соответствующими значениям лексемы *лутоня*. Ближе других к образу персонажа находится значение ‘врун’, поскольку Лутоня в одном из вариантов сказочного сюжета обманывает Бабу Ягу и хитростью спасается от нее. Если на территориях фиксации слова

не было иных версий сказки о Лутоне, то вероятно аттракция к дериватам корня *лут-*, называющим липу, липовое лыко и предметы из липы. Форма слова *лутоня*, тем не менее, позволяет предположить, что слово не производно напрямую от *лут-* и демонстрирует народноэтимологическое сближение с деминутивом имени Лукьян.

Источники и принятые сокращения

1. БСРНС — Мокиенко В. М. Большой словарь русских народных сравнений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2008. — 800 с.
2. ДЭС — Традиционная культура Урала : диалектный этноидеографический словарь русских говоров Среднего Урала [Электронный ресурс] / авт.-сост. О. В. Востриков, В. В. Липина. — Екатеринбург, 2009. — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
3. ЛК ТЭ — Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
4. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева : в 3 т. / подготовка текста, предисловие и примечания В. Я. Проппа. — Москва : Государственное издательство Художественной литературы, 1957—1958.
5. НОС — Новгородский областной словарь / ред. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. — Санкт-Петербург : Наука, 2010. — 1435 с.
6. СП — Сказки Прикамья / собр. и обраб. А. Спешилова. — Пермь : Пермское книжное издательство, 1971. — 88 с.
7. СРГБаш — Словарь русских говоров Башкирии: А—Я / под ред. З. П. Здобновой. — Уфа : Гилем, 2008. — 406 с.
8. СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала : в 7 т. / под ред. А. К. Матвеева. — Свердловск : Среднеуральское книжное издательство ; Издательство Уральского университета, 1964—1987.
9. СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—. — Вып. 1—.
10. ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка : в 17 томах / ред. В. И. Чернышев. — Москва ; Ленинград : Наука, 1948—1965.
11. ЯОС — Ярославский областной словарь : в 10 выпусках / науч. ред. Г. Г. Мельниченко. — Ярославль : ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1981—1991.

Литература

1. Агапкина Т. А. Дерево и человек: одна судьба на двоих / Т. А. Агапкина // Ethnolinguistica Slavica. К 90-летию академика Н. И. Толстого. — Москва : Индрик, 2013. — С. 42—58.
2. Агапкина Т. А. Распознать в дереве человека (на материале славянских баллад) / Т. А. Агапкина // Антропоцентризм в языке и культуре славян. — Москва : Индрик, 2017. — С. 41—55.

3. *Березович Е. Л.* Берестяная рожа и берестяные глаз : этнолингвистический комментарий к русским диалектным фразеологизмам / Е. Л. Березович // *Slavische Geisteskultur : Ethnolinguistische und philologische Forschungen*. — Frankfurt am Main, 2016. — Teil. 1. — С. 57—81.

4. *Борисова Е. О.* Русская лексика со значением быстроты и медлительности в семантико-мотивационном аспекте : диссертация ... кандидата филологических наук / Е. О. Борисова. — Екатеринбург, 2016. — 278 с.

5. *Кучко В. С.* Семантико-мотивационное поле «ложь, обман» в языковом пространстве русских народных говоров : диссертация ... кандидата филологических наук / В. С. Кучко. — Екатеринбург, 2017. — 339 с.

6. *Петровский Н. А.* Словарь русских личных имен / Н. А. Петровский. — Москва : Советская энциклопедия, 1966. — 384 с.

7. *Родионова И. В.* Характерологические номинации антропонимического происхождения в русских народных говорах / И. В. Родионова // *Русский язык в научном освещении*. — 2005. — № 10. — С. 159—189.

8. *Суперанская А. В.* Словарь русских личных имён / А. В. Суперанская. — Москва : Эксмо, 2004. — 544 с.

On Semantic and Motivational Reconstruction of Russian Dialect Word *lutonya*¹

© **Borisova Elizaveta Andreyevna (2018)**, orcid.org/0000-0003-3749-3307, PhD in Philology, senior research scientist, Department of Russian Language, General Linguistics and Verbal Communication, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia), elciaborisowa@gmail.com.

The question of the origin of Russian dialect word *lutonya* recorded by dialectal dictionaries in several meanings related to personal characteristics of the man: 'slow man,' 'scruffy man,' 'liar,' 'tall man' is considered. The assumption of belonging of the lexeme to a derivational family of the root *lut-*, derivatives of which calling linden, linden bark and objects made of linden, is proved. It is noted that in the dialects the meanings of the word *lutonya* broadly correspond to the semantic models that are typical for synonymous lexemes, and therefore motivationally proved. However, the suffix *-on-* which can be found if *lutonya* is a derivative from the root *lut-*, is not found in "subject" tokens. This observation suggests an effect on the form of the word of folk etymology rapprochement with diminution name *Lukyan* (variant *lutonya* is proposed by onomasts along with *Lutokha*, *Lutosh* and others). The author points out that the name *Lutonya* belongs to the character of folk tales, while there is no direct correspondence between the qualities of the character and the given dialect meanings of the lexeme *lutonya*. It is suggested that, at the formal level, a well-known folk text may support the functioning of the *lutonya* appellative.

1 The study is supported by the RSF grant "Contact and Genetic Ties of North-Russian Vocabulary and Onomastics" (project 17-18-01351).

Key words: ethnolinguistics; Russian dialect vocabulary; semantic derivation; metaphor; deonymisation.

Material resources

- BSRNS — Mokiyenko, V. M., Nikitina, T. G. (2008). *Bolshoy slovar' russkikh narodnykh sravneniy*. Moskva: OLMA Media Grupp. (In Russ.).
- DEIS — Vostrikov, O. V., Lipina, V. V. (eds.). (2009). *Traditsionnaya kultura Urala: dialektnyy etnoideograficheskiy slovar' russkikh govorov Srednego Urala*. Yekaterinburg. 1 elektron. opt. disk (CD-ROM). (In Russ.).
- LK TE — *Leksicheskaya kartoteka Toponimicheskoy ekspeditsii Uralskogo federalnogo universiteta* (kafedra russkogo yazyka i obshchego yazykoznaniiya UrFU, Yekaterinburg). (In Russ.).
- NOS — Levichkin, A. N., Myznikov, S. A. (eds.). (2010). *Novgorodskiy oblastnoy slovar'*. Sankt-Peterburg: Nauka. (In Russ.).
- Propp, V. Ya. (ed.). (1957—1958). *Narodnyye russkiye skazki A. N. Afanasyeva. 3*. Moskva: Gosudarstvennoye izdatelstvo Khudozhestvennoy literatury. (In Russ.).
- SP — Speshilov, A. (ed.). (1971). *Skazki Prikamya*. Perm': Permskoye knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).
- SRGBash — Zdobnova, Z. P. (ed.). (2008). *Slovar' russkikh govorov Bashkirii: A—Ya*. Ufa: Gilem. (In Russ.).
- SRGSU — Matveyev, A. K. (ed.). (1964—1987). *Slovar' russkikh govorov Srednego Urala*. Sverdlovsk: Sredneuralskoye knizhnoye izdatelstvo; Izdatelstvo Uralskogo universiteta. (In Russ.).
- SRNG — Filin, F. P., Sorokoletov, F. P., Myznikov, S. A. (eds.). (1965). *Slovar' russkikh narodnykh govorov*. Moskva; Leningrad: Nauka. (In Russ.).
- SSRLYa — Chernyshev, V. I. (ed.). (1948—1965). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka*. Moskva; Leningrad: Nauka. (In Russ.).
- YaOS — Melnichenko, G. G. (ed.). (1981—1991). *Yaroslavskiy oblastnoy slovar'*. Yaroslavl: YaGPI im. K. D. Ushinskogo. (In Russ.).

References

- Agapkina, T. A. (2013). Derevo i chelovek: odna sudba na dvoikh. In: *Ethnolinguistica Slavica. K 90-letiyu akademika N. I. Tolstogo*. Moskva: Indrik. 42—58. (In Russ.).
- Agapkina, T. A. (2017). Raspoznat' v dereve cheloveka (na materiale slavyanskikh ballad). In: *Antropotsentrizm v yazyke i kulture slavyan*. Moskva: Indrik. 41—55. (In Russ.).
- Berezovich, E. L. (2016). Berestyanyaya rozha i berestyanyye glaza: etnolingvisticheskiy kommentariy k russkim dialektnym frazeologizmam. In: *Slavische Geisteskultur: Ethnolinguistische und philologische Forschungen*. 1. Frankfurt am Main. 57—81. (In Russ.).
- Borisova, E. O. (2016). *Russkaya leksika so znacheniem bystroty i medlitenosti v semantiko-motivatsionnom aspekte*: dissertatsiya... kandidata filologicheskikh nauk. Yekaterinburg. (In Russ.).

- Kuchko, V. S. (2017). *Semantiko-motivatsionnoye pole «lozh, obman» v yazykovom prostranstve russkikh narodnykh govorov*: dissertatsiya... kandidata filologicheskikh nauk. Yekaterinburg. (In Russ.).
- Petrovskiy, N. A. (1966). *Slovar' russkikh lichnykh imen*. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.).
- Rodionova, I. V. (2005). Kharakterologicheskiye nominatsii antroponimicheskogo proiskhozhdeniya v russkikh narodnykh govorakh. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 10: 159—189. (In Russ.).
- Superanskaya, A. V. (2004). *Slovar' russkikh lichnykh imen*. Moskva: Eksmo. (In Russ.).